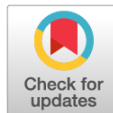

Верность конституции и проблема согласования идей конституционализма и исполнения международных обязательств в сфере прав человека

Кравец И.А.,

заведующий кафедрой теории и истории государства и права, конституционного права
Новосибирского национального исследовательского государственного университета
E-mail: kravigor@gmail.com

***Аннотация.** В статье обсуждаются теоретические основы концепции верности конституции и судебная конституционализация верховенства конституции, соотношение верховенства права и верховенства конституции, влияние интернационализации конституционного права на структуру и толкование положений конституции, круг понимания в конституционной герменевтике, проблема соотношения конституционного правосудия и наднациональной юрисдикции, роль нового полномочия Конституционного Суда РФ (рассмотрение дел о возможности исполнения решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека) в системе обеспечения прав и свобод человека и гражданина.*

Применяются сравнительно-правовой и формально-юридический методы исследования, метод конституционной инженерии и конституционной герменевтики. Раскрываются смысловые оттенки верности конституции, значение концепта «верность конституции» с формально-правовой и материально-содержательной точек зрения, которые могут иметь различия в доктринальном обосновании и конституционно-судебной практике. Определяются границы герменевтического круга конституции, влияние на него процессов международной и европейской интеграции. Рассматривается взаимосвязь герменевтического круга конституции и судебной конституционализации верховенства конституции, перспективы совершенствования конституционного судебного процесса, доктрины и практики российского конституционализма.

Обсуждается проблема правового регулирования участия органа конституционного правосудия в процедуре исполнения решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека. Затрагивается вопрос о возможности изменения структуры конституции и включения в нее специальных структурных единиц, закрепляющих механизм имплементации международных договоров и норм международного права. Верховенство конституции рассматривается не только как юридическое свойство Основного закона страны и принцип современного конституционализма, но и как принцип, обеспечивающий согласование норм международного и внутригосударственного права.

***Ключевые слова:** верность конституции, права человека и гражданина, судебная конституционализация, конституционная герменевтика, нормативное толкование, исполнение решений межгосударственного органа.*

Часть 1

Этимология верности конституции, конституционная телеология и круг понимания в герменевтике

Конституционное право, как правовое образование, формировалось с начала нового времени (особенно после возникновения конституционализма в последней четверти XVIII столетия в Северной Америке и континентальной Европе) под сильным влиянием теории и практики принятия и действия писаных конституций. Среди юридических свойств конституции как писаного

(кодифицированного или некодифицированного) акта особое место занимает верховенство и высшая юридическая сила (могут рассматриваться как два взаимосвязанных, но различаемых терминологически и по содержанию юридических свойства). Обеспечивать верховенство конституции — ключевая цель конституционного правосудия, а обоснование границ верховенства — важный элемент целеполагания в доктрине конституционализма.

О верховенстве конституции как юридическом свойстве конституционалисты рассуждают в контексте соотношения конституции и иных внутригосударственных нормативных правовых актов или внутригосударственных

и международных договоров¹. В некоторых исследованиях верховенство конституции рассматривается как принцип конституционализма, который имеет несколько измерений реализации (включая поведенческий аспект, определение объекта конституционного регулирования, территориальное верховенство)². О верховенстве как юридическом свойстве говорят и применительно к международному праву и применительно к отдельным актам (конституции, закону).

Верховенство конституции порождает в современных условиях международной интеграции и процессов глобализации проблему согласования и юридического обеспечения приоритетного действия учредительных и основополагающих норм внутригосударственного права и норм международного и европейского права (а также различных сегментов интеграционного права). Процессы конституционализации международного и интеграционного права и интернационализации конституционного права затрагивают чувствительные для каждого государства, играющего значимую роль в современной международной политике, вопросы развития конституционных основ правовой системы, структуры конституции, участия органов конституционного правосудия в развитии и согласовании юридических процедур, вовлекающих в «работу» как верховенство конституции, так и верховенство международного права. В современных исследованиях обсуждается дилемма развития конституционализма с его набором традиционных принципов (включающих и верховенство конституции) и процессов глобализации. Требуют ли процессы глобализации изменять традиционный подход к структуре конституции страны, открывать данную структуру для включения в неё не отдельных норм, а целых глав и разделов, посвященных регулированию на конституционном уровне механизмов имплементации норм международного права и международных договоров, тем самым значительно меняя объекты конституционного регулирования, предметное поле самой конституции и формы участия различных государственных органов в механизмах имплементации международно-правовых норм и согласования с нормами внутригосударственного права? Возможно ли изменение интерпретации норм Конституции РФ,

устанавливающих вопросы соотношения внутригосударственного и международного права, если возникает потребность в изменении вектора государственной политики? Без сомнения, усиливается конфликт интерпретаций одних и тех же норм конституции, устанавливающих такое соотношение, в контексте развития российского конституционного права, конституционализма и процессов международной и европейской интеграции. Как отмечает Б.С. Эбзеев, из «Основного закона России никаким образом не следует надконституционность общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров, которые в основном покрывают сферу межгосударственных отношений»³. Хотя Конституция РФ и содержит «механизм интеграции в правовую систему России новых принципов и норм, а также ее международных договоров»⁴, достаточно ли урегулирован такой механизм, базируется ли он только на фрагментарности конституционного регулирования, не требует ли он существенных дополнений и конституционно-правового оформления.

Верховенство конституции в системе принципов российского конституционализма является интегральной частью концепции верховенства права в правовом государстве. В то же время верховенство права как набор правовых принципов является частью более общего явления конституционализма, особенно в государствах, где соединяется система общего права и писаная кодифицированная конституция. Происхождение понятий «верховенство права» и «правовое государство» различно и имеет своим истоком разные идеи, страны, культурные традиции. В современных исследованиях отмечается, что исторически верховенство или господство права формировалось в странах общего права (среди них Великобритания, США и др.), в то время как доктрина правового государства вызревала и получала распространение в европейских континентальных государствах (с германской и романской подвидами правовых систем). По мнению исследователей, оценивающих влияние обеих концепций на экономическое развитие и свободу личности с учетом различий культур, их породивших, результаты сравнения неоднозначны, хотя отдаётся предпочтение концепции англосаксонского права. Надя Е. Недзел утверждает, что верховенство права, зародившееся в странах общего права (англосаксонской системе права), обеспечивает

¹ Авакьян С.А. Конституционный лексикон: Государственно-правовой терминологический словарь. М.: Юстицинформ, 2015. С. 397—402.

² Кравец И.А. Верховенство конституции: подходы и измерения // Вестник Чел. гос. ун-та. Сер. «Право». 2008. № 22. С. 5—9.

³ Эбзеев Б.С. Глобализация и современный конституционализм: два вектора развития // РЖПИ. 2015. № 2. С.10.

⁴ См.: там же.

стабильность и более надёжную защиту свобод, лучшие стимулы для экономического развития⁵.

Однако происходит сближение в современных правовых системах концепций верховенства права и правового государства, о чем свидетельствуют исследования представителей различных научных школ и правовых традиций. Американский исследователь Джеймс Р. Силкенат отмечает, что верховенство права является постоянно развивающимся «живым» принципом, который эволюционирует с учетом потребностей современного многонационального мира⁶. Концепция верховенства права разрабатывается и имеет отражения как во внутригосударственном правовом порядке (стран с различной правовой системой), так и в структурах международного права. Впрочем, и конституционализм как доктрина развивается как в контексте национальных конституционных и правовых систем, так и в контексте сравнительно-правового и культурного опыта и в связи с формированием глобального или планетарного конституционализма.

Как отмечает Франсуа Вентер, «когда речь заходит о верховенстве права, идея конституционализма сразу оказывается рядом»⁷. Значимость конституционализма для развития и обеспечения верховенства права как доктрины и целой системы правовых принципов может значительно отличаться в странах с юридически оформленным и обеспеченным судебными гарантиями верховенством конституции и в странах, где нет писаной (кодифицированной) конституции и системы судебного надзора за конституционностью актов. Как во внутригосударственной практике России (как и других государств), так и в международных отношениях существует множество проблем реализации и обеспечения верховенства права. Индекс верховенства права (используемый для составления рейтинга государств международной организацией World Justice Project) показывает картину по некоторым показателям в отношении различных государств, однако не применяется к деятельности международных организаций и оценке международных (межгосударственных) отношений. Поэтому вопрос о соблюдении принципа

верховенства права в международных отношениях остаётся в значительной мере дискуссионным.

В российских исследованиях есть и более категоричные утверждения о том, что «только конституционно-правовые пространства могут оставаться «ареалами достоверности» принципа верховенства права, которому на международном уровне уготована незавидная судьба патетической и одновременно конъюнктурно-прагматической декларации»⁸.

Верховенство права в условиях современного конституционализма может существовать как с признанием верховенства конституции в качестве высшего закона страны (при условии действия писаной конституции), так и без провозглашения и юридического обеспечения такого верховенства в странах со смешанной (комбинированной) или неписаной конституцией. Однако и в этом случае различные источники конституции предусматривают нормы и правовые принципы, судебные прецеденты, которые обеспечивают верховенство права. В этом случае нет конституционного ядра у принципа верховенства права в виде принципов и положений писаной конституции. По справедливому замечанию В. Е. Чиркина, верховенство конституции и федеральных законом (по смыслу ч. 2 ст. 4 Конституции РФ) имеет территориальный акцент и по своему значению значительно уже формулировки «верховенство права»⁹. Предлагается рассматривать значение славянской формулировки «верховенство права» как включающей в себя доминирующую роль права в обществе при регулировании общественных отношений, обеспечение такого регулирования со стороны публичной власти, связанность правом деятельности всех институтов общества, включая само государство. Причём «верховенство права по отношению к государству — решающий элемент понятия правового государства»¹⁰.

В отчете за 2017–2018 гг. Россия заняла 89 место из 113 в мировом рейтинге верховенства права, составляемом международной организацией World Justice Project. За год Россия поднялась на три позиции и оказалась между Филиппинами (88 место) и Доминиканской Республикой (90)¹¹. Россия уступает Эстонии (12 место), Грузии (38), Китаю (75), но опережает

⁵ Недзел Н.Е. Верховенство права или правовое государство: откуда мы пришли и куда идём? // Доктрины правового государства и верховенства права в современном мире: сборник статей / Отв. ред. В.Д. Зорькин, П.Д. Баренбойм. М.: ЛУМ, Юстицинформ, 2013. С. 108–148.

⁶ Силкенат Д.Р. Верховенство права и его значение // Доктрины правового государства и верховенства права в современном мире. С. 15.

⁷ Вентер Ф. Верховенство права как глобальная мера конституционализма // Доктрины правового государства и верховенства права в современном мире. С. 83.

⁸ Крусс В.И. Диалектика конституционализации и взаимодействия правовых систем в контексте глобализации // Российский юридический журнал. 2014. № 5. С. 26.

⁹ Чиркин В.Е. Верховенство права в правовом государстве: терминология и содержание // РЖПИ. 2016. № 4. С. 10.

¹⁰ Там же. С. 10.

¹¹ World Justice Project Rule of Law Index 2017–2018 report. P. 3.

Узбекистан (91) и Турцию (101). На вершине рейтинга — Дания, Норвегия и Финляндия, последнее место у Венесуэлы.

Индекс верховенства права был разработан в 2010 г. Он измеряет достижения стран в области обеспечения правовой среды. Данные объединяются в восемь контрольных показателей — ограничение полномочий институтов власти, отсутствие коррупции, порядок и безопасность, защита основных прав, прозрачность институтов власти, соблюдение законов, гражданское правосудие, уголовное правосудие. В государствах с авторитарными и тоталитарными режимами термин «верховенство права» (Rule of Law) зачастую переводят как «верховенство закона». Правозащитники подчеркивают, что в таких государствах законы не всегда отвечают нормам современного права.

На наш взгляд, концепт верховенства права, как и принцип верховенства конституции, содержит определённый этический императив. В случае с конституцией такой императив связан с пониманием превосходства национального конституционализма над контрольными показателями верховенства права. Причем этический императив предполагает опору на концепцию верности конституции и включает потребность установления национальных приоритетов развития и совершенствования контрольных показателей верховенства права.

Современное понимание верховенства и высшей юридической силы конституции необходимо связывать с концептом верности конституции, значительный вклад в развитие которого внёс профессор, судья Конституционного Суда РФ в отставке Николай Васильевич Витрук. Его труд «Верность Конституции» (впервые издан в 2008 г., а второе издание вышло в 2016 г.)¹² содержит анализ важнейших проблем онтологии, социологии, ценности и верности конституции; соотношения, с одной стороны, конституции, с другой, конституционного и международного права, природы и практики конституционной герменевтики, вопросов действия и реализации, охраны и защиты конституции в современной правовой системе России.

Верность конституции как правовая и культурно-семантическая концепция (предложенная Н.В. Витруком) позволяет выявлять конституционные и моральные ценности, которыми руководствуются при толковании, реализации или актуализации конституционных норм.

Ключевая идея в концепции «верность Конституции» (предложенной Н.В. Витруком) — это особый тип конституционного

правопонимания¹³. Приверженность такому правопониманию — неременный залог уважения Конституции, отстаивания в правотворческой и правоприменительной практике приоритета конституционных положений, обеспечения их стабильности и осуществления бережной интерпретации, недопустимости произвольно расширительного толкования конституционных норм с учётом политической конъюнктуры, развития института конституционной ответственности¹⁴.

Российский конституционализм испытывает значительные ценностные и семантические конфликты при толковании и реализации действующей конституции во многом потому, что социальная среда действия конституционных норм в значительной степени не разделяет ценности конституции и их публично-правовое провозглашение и поддержание авторитетом и престижем президентской власти, а европейская и международная интеграции российского государства оставляют в стороне обычных граждан, их объединения от активного вовлечения в число субъектов такой интеграции. Создаются условия (пока не преодолеваемые) для конфликта между ценностями конституционной легитимности государственной власти и верности конституции, с одной стороны, и публично-правовыми институтами, тормозящими процесс конституционной модернизации страны.

Этимология слова «верность» позволяет выявить происхождение и смыслы используемого термина. Слово «верность» происходит от прилагательного «верный» и существительного «вера». В этимологическом генезисе важное значение имеют православное *věra*, от которого в числе прочего произошли: др.-русс., ст.-слав. *vъra* (др.-греч. Πίστις; транслитерация -pistis), русское слово «вера».

Среди других языков, имеющих слова с аналогичным смыслом и близким по написанию с русским словом «вера», можно отметить: украинское слово «віра», болгарское слово «вѣра», из сербохорватского слово «вјера», словенское слово «véra», чешское слово «víra», польское слово «wiara».

Можно сделать вывод, что слово «верность» — многозначный термин, в основе которого — вера. В толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой значение верности раскрывается как стойкость

¹³ Витрук Н.В. Верность Конституции. М.: РАП, 2008.

¹⁴ Умнова (Конюхова) И.А., Алешкова И.А. Верность Конституции как концепция конституционного правопонимания Н.В. Витрука // Верность Конституции: Сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения Н.В. Витрука. М.: РГУП, 2017. С. 10-13.

¹² Витрук Н.В. Верность Конституции. 2-е изд. М.: РГУП, 2016. 272 с. (первое издание М.: РАП, 2008. 272 с.)

и неизменность в чувствах, отношениях, в исполнении своих обязанностей, долга. Можно соблюдать верность и исповедовать верность своему слову. Множественного значения для слова «верность» нет.

Смысловые контексты слова «верность» могут быть связаны с политическими и географическими понятиями, например, «верность Родине» (как правило одной; но, если меняется гражданство, а право на изменение гражданства существует — меняется ли Родина?).

Слово «верность» может быть связано с личными и семейными делами, например, «верность жене» — супружеская преданность (может быть и не одной, особенно в мусульманских странах, где допускается иметь до четырёх жён).

Верность может иметь подтверждающее значение своему выбору («верность выбору») — профессиональному предназначению или призванию, или служению высшим идеалам (нести свой крест до конца).

Слово «верность» имеет смысловую взаимосвязь не только с производными от слова «вера», но и со словами, обозначающими рациональную верификацию: верность — это соответствие истине; правильность; полное сходство с чем-либо или соответствие чему-либо (вопросы верификации или подлинности).

О верности конституции можно говорить и в значении исповедования веры в конституцию, и в значении рационального обоснования и верификации соответствия конституции других правовых актов, деяний и т.п.

Что такое верность конституции с точки зрения множественности смыслов самой конституции? Следует отметить следующие смысловые оттенки верности конституции: 1) верность конституции как правовому акту; 2) верность конституции как совокупности норм действующего конституционного законодательства; 3) верность конституции как конституционным ценностям, заложенным в Конституции; 4) верность конституции как конституционным идеалам; 5) верность конституции как сформированной реальной конституционной и политической практике; 6) верность конституции как последовательность в реализации конституционных норм и ценностей; 7) верность конституции как эффективность конституционализации правового порядка (процесс конституционализации выступает индикатором верности конституции).

Без концепта верности конституции (которая приобретает юридическую популярность в свете вопросов как правового суверенитета, так и соотношения конституционной и наднациональной юрисдикции) не представляется возможным обосновать юридически выверенную роль федерального органа конституционного правосудия в вопросах оценки не только

внутригосударственных нормативных правовых актов и договоров, но и в вопросах соотношения конституции и международных договоров, интерпретации конституции и международных обязательств РФ в сфере основных прав и свобод, исполнения решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека с позиций актов как Европейского Суда по правам человека, так и актов Конституционного Суда РФ.

В исследованиях ставился вопрос о возможности и даже необходимости для России отказаться от принципа верховенства международного права и международных договоров в правовой системе страны. Такой отказ, очевидно, будет вступать в противоречие с положениями Конституции РФ (ч. 4 ст. 15). Поэтому ряд исследователей идут дальше и предлагают убрать из текста Конституции РФ положения ч. 4 ст. 15 о том, что международное право составляет неотъемлемую часть правовой системы РФ (также и сходные положения в иных актах — УК РФ, УПК РФ)¹⁵. Когда подобные предложения иницируются учёными юристами (государствоведами или международниками) обсуждение проблематики соотношения двух верховенств (верховенства конституции и верховенства международного права) может не выходить за пределы научной дискуссии, в случае инициирования предложения со стороны государственного деятеля (лиц, занимающих высшие государственные должности) ситуация выходит за рамки научной дискуссии (может вовсе не находиться в её границах) и, возможно, знаменует новый вектор государственной политики в вопросах соотношения внутригосударственного и международного права. Действующая редакция Конституции РФ (с запретом вносить поправки в главы 1, 2 и 9) не позволяет изменять положения ни одной из статей в главе 1 «Основы конституционного строя». Без разработки нового проекта Конституции РФ и юридического оформления отказа от верховенства международного права новая государственная политика не сможет получить надлежащей правовой формы и будет входить в противоречие с двумя принципами одновременно: как с принципом верховенства конституции (где закреплён принцип верховенства международного права), так и с принципом верховенства международного права.

¹⁵ Козлова Н. Александр Бастрыкин предлагает установить приоритет национального права над международным // РГ. 2015. 28 апр.; Бастрыкин А.И. Приоритет национального права над международным требует пересмотра // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2015. № 2(8). С. 9—13; Жилкин В.А. Исторический аспект и предпосылки внесения изменений в Конституцию РФ // РЖПИ. 2017. № 3(12). С. 206.

Стремление обеспечить верховенство конституции в правовой системе России, конечно, не должно приводить к отказу от другого важного принципа — верховенства международных обязательств и международных договоров, который требует сбалансированного соотношения с принципом верховенства конституции. Концепт верности конституции позволяет найти необходимый баланс между двумя принципами верховенств в контексте расширительного понимания природы конституционного права как метаотрасли.

Какую конституционную цель может преследовать государство (его должностные лица), отказываясь от принципа верховенства международного права? Российский конституционализм, отстаивающий национальные приоритеты целей и ценностей конституционного и правового развития государства и общества, в случае сбалансированного соотношения принципов верховенства конституции и верховенства международного права (имеющие в основе национальный или глобальный конституционализм), создаёт важные предпосылки для открытости правовой системы страны в контексте её совершенствования, но также (что не менее важно в геополитическом плане) развивает юридическую платформу для распространения различных моделей правового регулирования под эгидой верховенства права как глобального явления, особенно в условиях различной межгосударственной интеграции на геополитическом пространстве национальных интересов России.

Часть 2

Судебная конституционализация, герменевтический круг и проблема верности конституции

Современные исследования в сфере конституционализации права¹⁶ и конституционной телеологии расширяют представление о роли и значении конституционной юриспруденции в современной правовой системе, показывают сложный процесс влияния конституционно-правовых принципов и институтов на различные области отраслевого регулирования.

Научные исследования в сфере конституционализации правового порядка и отраслей российского права, конституционной телеологии показывают, что пришло время взглянуть на конституционное право не только как на ведущую отрасль российского права, но и как на метаотрасль, обеспечивающую

целеполагание в правовой системе, гармонию различных отраслей права, конституционализацию отраслевого регулирования¹⁷. Методология современного конституционализма обогащена новыми научными подходами и предложениями, осмыслением политико-правовых и иных реалий современной российской конституционной юриспруденции¹⁸.

Конституционное право как метаотрасль охватывает своим регулирующим воздействием различные виды предметов ведения, так как конституционно-правовые институты, принципы конституционного права функционируют и в сфере ведения РФ, и в сфере совместного ведения РФ и ее субъектов, и в сфере остаточных предметов ведения субъектов РФ. Роль метаотрасли конституционному праву помогают обеспечивать основы конституционного строя как базовые принципы конституционного права и принципы Конституции РФ, процесс конституционализации правового порядка и отраслей российского права и конституционная телеология, которая задаёт цели развития не только конституционного права, но и других отраслей российского права, российского государства и общества.

В процессе конституционализации участвует конституционное и иное отраслевое законодательство, поэтому чрезвычайно важным становится достижение гармоничного и непротиворечивого федерального законодательства и законодательства субъектов Российской Федерации. Для проведения в жизнь принципов конституции и их закрепления в системе российского законодательства необходима его новая систематизация, которая бы учитывала результаты преобразования правовой системы. В Конституции России 1993 г. заложены новые основы построения системы законодательства, проведено ранжирование отраслей по уровню правового регулирования. Поправки к Конституции РФ 2014 г. (в том числе) отнесли процессуальное законодательство к ведению РФ (п. «о» ст. 71 Конституции РФ). Однако конституционный судебный процесс включает не только правовые основы организации и осуществление правосудия по конституционным (государственно-правовым) спорам и коллизиям на федеральном уровне, но и на уровне субъектов

¹⁷ Кравец И. А. Конституционная телеология и основы конституционного строя: Научно-практическое издание. [б.м.]: Издательские решения, 2016.

¹⁸ Методология современного конституционализма: конституционализация позитивного права; конституционная аксиология пропорциональности // Материалы XIV Международной научно-практической конференции по конституционному праву, Санкт-Петербург, 20-22 мая 2016 г. / Под общ. ред. А. А. Ливеровского, В. П. Сальникова. СПб.: Фонд «Университет», Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017. 344 с.

¹⁶ Крусс В. И. Конституционализация права: основы теории. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016.

РФ. Следовательно, конституционное правосудие в субъектах РФ не может быть отнесено к исключительному ведению РФ, нормы в данной сфере создаются субъектами РФ без каких-либо установленных на федеральном уровне законодательных основ (общих принципов) организации и деятельности конституционных (уставных) судов субъектов РФ. Следовательно, судебное конституционно-процессуально право вероятнее всего относится к совместному ведению РФ и ее субъектов.

Конституционализация правопорядка как относительно новое направление в теории конституционной юриспруденции и практике реализации конституционных норм предполагает использование различных интерпретационных методологий в процессе судебного толкования и применения Конституции и осуществления контроля за конституционностью нормативных правовых актов и договоров внутригосударственного и международно-правового характера. Судебная нормативно-интерпретационная конституционализация правопорядка, осуществляемая органами конституционного правосудия предполагает учет системных качеств действующей конституции в контексте её влияния на правовую систему в целом, конституционной самобытности национального правопорядка и лежащих в его основе правовых и иных ценностей, международных обязательств государства и понимания значимости конституционно-правового прогресса для целей совершенствования нормативных основ и взаимосвязанных юридических практик реализации конституционных норм и принципов. При различии в подходах к терминологическому определению конституционализации существует неоспоримое признание того, что в процессе конституционализации определяющее правоустанавливающее значение получают акты и правовые позиции Конституционного суда РФ¹⁹.

В судебной конституционализации верховенства конституции активную роль играют органы конституционного правосудия. В Российской Федерации судебная конституционализация верховенства конституции осуществляется Конституционным Судом РФ как в процессе рассмотрения дел об абстрактном нормативном толковании конституции, так и в ходе проверки конституционности нормативных правовых актов и договоров в рамках абстрактного и конкретного конституционного контроля.

¹⁹ Крусс В.И. Судебная практика и конституционализация административной ответственности в Российской Федерации // Вестник ТвГУ. Сер. «Право». 2014. № 4. С. 229; Крусс В.И. Понятие, актуальность и формы конституционализации права // Вестник ТвГУ. Сер. «Право». 2012. № 19. С. 104—119.

Судебная конституционализация верховенства конституции опирается как на доктрину современного конституционализма (в том числе, концепт судебного конституционализма), так и на теорию и практику конституционной герменевтики.

Понятие конституционной герменевтики важно для осмысления герменевтического круга понимания системы конституции, которое осуществляется в рамках настоящего исследования. Конституционная герменевтика — это искусство и теория истолкования норм конституции в процессе ее реализации и осуществления различных функций органом конституционного правосудия или органом судебного надзора, а также философское и теоретико-правовое обоснование и выявление конституционного смысла и значения различных нормативно-правовых актов, попадающих в сферу деятельности конституционной юстиции²⁰.

В философской герменевтике круг понимания является ключевым для истолкования различных текстов. К проблеме круга понимания в герменевтике обращались Ф. Шлейермахер, Дильтей, Г.-Г. Гадамер. Так, по мнению Г.-Г. Гадамера, «движение понимания постоянно переходит от целого к части и от части к целому». «И задача всегда состоит в том, — утверждает философ, — чтобы, строя concentric circles, расширять единство смысла, который мы понимаем». «Взаимосогласие отдельного и целого — всякий раз критерий правильности понимания»²¹. «Цель любого понимания — достичь согласия по существу; ради этого мы общаемся друг с другом и договариваемся между собой. И задача герменевтики с незапамятных времен — добиваться согласия, восстанавливать его»²².

Система конституции как совокупность структурированных и взаимосвязанных конституционных норм, и положений является открытой системой, открытой для нормативной абстрактной и казуальной интерпретации, а также для частичной и полной ревизии в связи конституционными поправками, изменениями положений конституции или пересмотром конституции. Систему конституции можно рассматривать как герменевтический круг понимания конституционных норм, который опирается в процессе реализации и толкования конституционных положений на определенные

²⁰ Кравец И.А. Конституция и герменевтика: вопросы теории // Известия вузов. Правоведение. СПб., 2003. № 5. С. 41.

²¹ Гадамер Г.-Г. О круге понимания // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного / Пер. с нем. М., 1991. С. 72.

²² Гадамер Г.-Г. О круге понимания // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного / Пер. с нем. М., 1991. С. 73.

интерпретационные методологии. Представляется важным понимать герменевтический круг конституции как правовой ресурс толкования конституционных и отраслевых норм, международных договоров РФ в контексте правового прогресса и обеспечения Россией более высоких стандартов в области прав и свобод, их реализации в правовой системе с учетом как верности конституции, так и исполнения международных обязательств государства, если они не входят в очевидное противоречие со смыслом и содержанием конституционных норм.

Герменевтический круг понимания в сфере юриспруденции трансформируется в толкование системы права с точки зрения целого и части. *Системное толкование права является последовательным применением герменевтического круга понимания, круговращением юридическое понимание, концентрической герменевтикой права.* Конституция как юридическая основа правовой системы выступает объектом системного толкования не только конституционных норм, но и норм других отраслей права в системной связи с нормами конституции. Конституция, следовательно, предусматривает масштаб оценки системы отраслей российского права, а также масштаб оценки имплементационного механизма норм международного права.

Что может выступать в качестве герменевтического круга системы конституции? Можно ли считать, что таким кругом может выступать только текст конституции как система конституционных норм?

Система конституционных норм вовлекает в процессе их толкования систему норм конституционного и отраслевого законодательства для выявления объективных границ и взаимосвязей между нормами конституции и нормами законодательства. Герменевтические методы познания системы конституции позволяют выявлять материальные и процессуальные взаимосвязи между конституцией, нормами конституционного и иного отраслевого законодательства.

Герменевтика как искусство истолкования писанных текстов в отношении системы конституции включает в процесс разъяснения и правореализационный механизм, который основан на нормах конституции, но не ограничивается ими, а связан тесным образом с процессом оценки практики применения норм конституции и норм отраслевого законодательства.

Истолкование правовых текстов и в особенности текста Конституции РФ, которые попадают в сферу юридической герменевтики, предполагает применение методов толкования правовых норм для целей решения определенной юридической задачи. Может осуществляться толкование норм Конституции как системы

конституционных норм и может осуществляться конституционное истолкование положений законов или иных нормативных правовых актов в связи с их оценкой на соответствие Конституции. Юридический смысл конституционных и иных правовых норм выявляется с учетом доктринальных научных позиций и практико-ориентированных методов толкования. Поддержание иерархии правовых актов в процессе осуществления толкования конституционных норм — важная задача, которая решается с учетом системных связей как отраслевого, так и межотраслевого характера.

Абстрактное нормативное толкование конституционных норм требует выявления двух взаимосвязанных вопросов, которые относятся к причинно-следственным связям актуализации и системного толкования.

Первый вопрос: установление причинно-следственных связей между юридическими фактами (различными жизненными обстоятельствами), которые вызывают потребность толкования конституционных норм, и содержанием правил, принципов или положений конституции, которые становятся герменевтическим кругом понимания конституции.

Второй вопрос: установление причинно-следственных связей между общественной, государственной значимостью юридических фактов, вызывающих потребность толкования конституционных норм, и открытием новых правил или принципов, которые не находят прямого отражения в тексте конституции. Таким образом, герменевтический круг понимания системы конституции вовлекает в интерпретацию конституционного смысла не только взаимосвязанные и взаимозависимые нормы конституции, но и юридические факты, правила и принципы, которые могут не находить прямого отражения в нормах Конституции.

Дискуссионным остаётся вопрос о том, включает ли герменевтический круг конституции нормы международного права, международные договоры, к которым РФ присоединилась на основе Конституции РФ. В какой степени действует верховенство конституции в сфере международных отношений? По мнению одних исследователей, Конституция РФ предусматривает начало своего верховенства в сфере международных отношений²³. Другие исследователи ограничивают герменевтический круг конституции исключительно вопросами предметной области национального конституционного права.

На наш взгляд, верховенство конституции

²³ Евдокимов В.Б. О верховенстве части 1 и части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2017. № 3. С. 32.

предполагает построение доктрины и практики обеспечения герменевтического круга конституции на основе юридической процедуры согласования участия России в международных отношениях (и взятых на себя международных обязательств) и национального конституционно-правового поля действия и толкования норм Основного закона страны.

Верность конституции, конституционное правосудие и проблема наднациональной юрисдикции

Герменевтический круг конституции включает в себя ряд сложных правовых проблем интерпретации: 1) можно ли сохранять верность изначальному тексту конституции или в процессе конституционной модернизации государства и общества верность становится изменчивой категорией? 2) верность конституции как правовая ценность может уступать место экспансии международного опыта и международных обязательств и требовать включения новых положений как в нормативную основу, так и в реальную практику национального конституционализма? 3) верность конституции с формально-правовой и материально-содержательной точек зрения может существенно различаться в доктринальном обосновании и конституционно-судебной практике. В частности, с формально-правовой точки зрения верность конституции предполагает (обязательную или факультативную) проверку конституционности нератифицированных международных договоров РФ, отказ от ратификации тех договоров, которые признаны неконституционными. С материально-содержательной стороны верность конституции требует обеспечить надлежащей правовой процедурой сохранения приоритета и верховенства конституции в правовой системе страны даже в случае необходимости включения в такую систему новых норм и принципов международного права и международных обязательств. Следовательно, современный уровень развития интеграционных процессов требует значительного изменения подходов к структуре конституции, к необходимости адаптации традиционной структуры конституции к новым вызовам международной интеграции. Ограничиваться в данном вопросе только изменением вектора интерпретации конституционного текста и базовых норм конституции (относительно места норм и принципов международного права и международных договоров) не представляется достаточным.

Верность конституции как доктрина может породить проблему согласования национального конституционализма и наднациональной юрисдикции в контексте исполнения

международных обязательств в области прав человека. Конституционализация верности конституции вызывает потребность определения границ государственного суверенитета и степени национальной самобытности конституционализма по отношению к европейскому правовому пространству в области прав человека. В 2015 г. появилась новая глава в Федеральном конституционном законе от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», далее — ФКЗ о КС, (гл. XIII.1 «Рассмотрение дел о возможности исполнения решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека»), которая закрепляет правила, позволяющие органу конституционного правосудия лишать более высокой юридической силы акт Европейского Суда по правам человека.

Новая процедура конституционного судопроизводства не только является принципиально отличной от ранее закреплённых в ФКЗ о КС, но и порождает несколько вопросов, затрагивающих её правовую природу, цели применения, последствия для правовой системы России и обязательности международных обязательств РФ, а также формы взаимоотношений национального (российского) органа конституционной юстиции и наднационального судебного органа, каким является Европейский Суд по правам человека.

Интерес представляют особенности направления запроса в Конституционный Суд РФ в рамках новой процедуры. Согласно ст. 104.1 федеральный орган исполнительной власти, наделенный компетенцией в сфере обеспечения деятельности по защите интересов Российской Федерации при рассмотрении в межгосударственном органе по защите прав и свобод человека жалоб, поданных против РФ на основании международного договора РФ, на основании заключения федеральных государственных органов, на которые возложена обязанность в пределах своей компетенции принимать меры по исполнению решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека, либо, если указанный федеральный орган исполнительной власти сам является органом, на который возложена такая обязанность, на основании собственного вывода о невозможности исполнения вынесенного по жалобе, поданной против РФ на основании международного договора РФ, решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека вследствие того, что в части, обязывающей РФ к принятию мер по его исполнению, данное решение основано на положениях международного договора РФ в истолковании, предположительно приводящем к их расхождению с Конституцией РФ, вправе обратиться в Конституционный Суд РФ с запросом о разрешении вопроса

о возможности исполнения решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека. К запросу прилагается текст соответствующего решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека.

Допустимость запроса и пределы проверки заставляют задуматься о характере (виде и форме) конституционного контроля, который применяется в данном случае. Допустимость запроса регулируется ст. 104.2. Запрос федерального органа исполнительной власти, наделенного компетенцией в сфере обеспечения деятельности по защите интересов РФ при рассмотрении в межгосударственном органе по защите прав и свобод человека жалоб, поданных против РФ на основании международного договора РФ, допустим, если заявитель считает, что исполнение решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека невозможно, поскольку оно основано на положениях международного договора РФ в истолковании, приводящем к их расхождению с Конституцией РФ.

Пределы проверки (ст. 104.3) для данного случая отличаются как от пределов проверки абстрактного, так и конкретного нормоконтроля. Критерии конституционности связаны с положениями основ конституционного строя и установленными Конституцией РФ правами и свободами человека и гражданина. С одной стороны, такая формулировка открывает значительную сферу интерпретационных возможностей и методов конституционной герменевтики, позволяющих значительно расширять содержательные компоненты как основ конституционного строя, так и основных прав и свобод человека и гражданина, установленных Конституцией РФ в контексте международных обязательств РФ. С другой стороны, установленные пределы проверки (как критерии конституционности) не содержат указание на цели и принципы, ради которых они должны применяться. Поэтому возможна ситуация, при которой Конституционный Суд РФ будет исходить формально из буквального содержания конституционных норм и положений (гл. 1 и 2 Конституции РФ), не учитывая контекст их законодательного обеспечения и правоприменительной практики, а также, что не менее важно, контекст международных обязательств России и сформировавшейся практики Европейского Суда по правам человека.

Так, Конституционный Суд РФ при решении вопроса о возможности исполнения решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека проверяет возможность исполнения в соответствии Конституцией РФ решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека, принятого на основании положений

международного договора Российской Федерации в их истолковании межгосударственным органом по защите прав и свобод человека, с точки зрения основ конституционного строя Российской Федерации и установленного Конституцией РФ правового регулирования прав и свобод человека и гражданина. Рассмотрение подобных дел возможно в рамках письменного судопроизводства (без проведения слушаний), что будет снижать публичную значимость результатов такого рассмотрения.

Последствия принятия итогового решения по делу отличаются от ранее установленных как для форм конкретного, так и для форм абстрактного конституционного контроля. Такое отличие, в первую очередь, мотивируется тем, что при осуществлении как абстрактного, так и конкретного контроля Конституционный Суд РФ проверяет нормативные правовые акты, а оценка конституционности практики в рамках конкретного контроля является производным явлением в силу наличия юридического спора, конкретного дела. Оценка возможности исполнения в целом или в части решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека связана с оценкой ненормативного акта причём органа наднациональной юрисдикции.

Итоговое решение по делу регулируется ст. 104.4. Так, по итогам рассмотрения дела Конституционный Суд РФ принимает одно из следующих постановлений:

1) о возможности исполнения в целом или в части в соответствии с Конституцией РФ решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека, принятого на основании положений международного договора РФ в их истолковании межгосударственным органом по защите прав и свобод человека, в связи с которым был подан запрос в Конституционный Суд РФ;

2) о невозможности исполнения в целом или в части в соответствии с Конституцией РФ решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека, принятого на основании положений международного договора РФ в их истолковании межгосударственным органом по защите прав и свобод человека, в связи с которым был подан запрос в Конституционный Суд РФ.

В случае, если Конституционный Суд РФ принимает постановление, предусмотренное п. 2 ч. 1 данной статьи, какие-либо действия (акты), направленные на исполнение соответствующего решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека, в РФ не могут осуществляться (приниматься). Возникает вполне резонный вопрос, почему признание невозможности исполнения в части решения межгосударственного органа должно

с неизбежности приводить к действию запрета совершать какие-либо действия (акты), направленные на исполнение соответствующего решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека? Ведь в остальной части решение подлежит исполнению или законодатель здесь вышел за пределы формальной логики при изложении смысла п. 2 ч. 1 ст. 104.4 ФКЗ о КС.

Применение процедуры оценки на соответствие Конституции РФ решений Европейского суда по правам человека в контексте о возможности или невозможности их исполнения на территории Российской Федерации, несомненно, призвано вырабатывать конституционно-правовые основания для ограничения действия международных обязательств РФ или даже нейтрализовать действие международных обязательств РФ в области прав человека. Однако, открытым остаётся вопрос, будет ли Конституционный Суд РФ через правовые позиции позитивно воздействовать на прогрессивное развитие правовой системы России и совершенствование действующего законодательства в контексте исполнения международных обязательств РФ и обеспечивать более высокий стандарт защиты основных прав и свобод в РФ, чем это предлагает Европейский Суд по правам человека.

В декабре были приняты поправки к ФКЗ о КС, а в марте Конституционный Суд РФ уже рассмотрел первое дело о возможности исполнения решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека. 31.03.2016 был рассмотрен запрос Министерства юстиции РФ о возможности исполнения постановления ЕСПЧ по делу «Анчугов и Гладков против России».

19.04.2016 Конституционный Суд России огласил постановление по делу о возможности исполнения постановления Европейского суда по правам человека по делу «Анчугов и Гладков против России»²⁴, в котором установил пределы реализации решения ЕСПЧ об избирательных правах осужденных.

19.01.2017 Конституционный Суд России в постановлении по делу ЮКОСа (с особым мнением судьи В.Г. Ярославцева и мнением судьи К.В. Арановского) из-за противоречия нормам Конституции РФ 1993 г. счел невозможным для российских властей выплачивать бывшим акционерам ЮКОСа компенсацию

²⁴ Постановление КС РФ от 19.04.2016 № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации».

в размере 1,8 млрд евро, которую им присудил Европейский Суд по правам человека за нарушение их прав на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство на родине²⁵.

Практика конституционного правосудия показывает, что доктрина верности конституции, хотя и работает в контексте возможности исполнения решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека Российской Федерацией, однако не является внутренне согласованной (непротиворечивой) и в полной мере сбалансированной теорией, призванной обеспечить применение в России более высоких стандартов защиты прав и свобод в свете интерпретации положений Европейской конвенции 1950 г. Европейским Судом по правам человека.

Науке конституционного правосудия предстоит ответить на вопрос, к какой форме конституционного контроля относится новое полномочие Конституционного Суда РФ. Остаётся для науки конституционного правосудия открытым вопрос о возможности внедрения в законодательство и практику национальной конституционной юстиции полномочия Конституционного Суда РФ признавать неконституционными и юридически ничтожными с момента провозглашения (или опубликования для актов, принятых в письменном судопроизводстве) актов судебных органов РФ при рассмотрении дел по жалобам граждан и их объединений. Ведь пока Конституционный Суд РФ вправе признать неконституционной практику применения оспоренных положений закона (некоторых других нормативных актов) без прекращения действия тех судебных актов, которые отражают неконституционную практику, свидетельствуют о ней.

В современных исследованиях обоснованно ставится вопрос о степени уникальности (с учетом сравнительно-правового опыта) полномочия Конституционного Суда РФ рассматривать дела о возможности исполнения решений межгосударственного органа (в первую очередь Европейского Суда по правам человека)²⁶.

В исследованиях предлагается принять специальный федеральный закон, содержащий нормы о месте международных договоров,

²⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.01.2017 № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации».

²⁶ Кряжков В.А. Конституционный Суд РФ как участник процесса исполнения решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека // Государство и право. 2017. № 5. С. 33.

решений ЕСПЧ и других международных судов в системе источников права и их действий на территории РФ²⁷.

Особенно важно сбалансировать на основе «взаимноуравновешенного верховенства» конституции и международных обязательств участие федерального органа конституционного правосудия России в межгосударственных отношениях, в процессе создания эффективно конституционно-правового и конституционно-процессуального механизма имплементации международных норм, международных обязательств, особенно в контексте исполнения решений и правовых позиций ЕСПЧ. Представляется, что прогрессивным элементом развития доктрины верности конституции могут служить аргументированные позиции российского Конституционного Суда о необходимости создания и стремлении поддерживать (это сложный и длительный процесс) более высокие стандарты реализации прав и свобод человека на территории российского государства как пространства не только конституционного, но и пространства европейского права в области прав человека.

Список литературы

1. Авакьян С.А. Конституционный лексикон: Государственно-правовой терминологический словарь. М.: Юстицинформ, 2015. 640 с.
2. Бастрыкин А.И. Приоритет национального права над международным требует пересмотра // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2015. № 2(8). С. 9—13.
3. Бондарь Н.С. Конституционный Суд в системе юрисдикционных органов (о «богоугодных грехах» конституционного правосудия) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 1. С. 26—32.
4. Венгер Ф. Верховенство права как глобальная мера конституционализма // Доктрины правового государства и верховенства права в современном мире: сборник статей / Отв. ред. В.Д. Зорькин, П.Д. Баренбойм. М.: ЛУМ, Юстицинформ, 2013. С.76—94.
5. Витрук Н.В. Верность Конституции. М.: РАП, 2008. 272 с.
6. Витрук Н.В. Верность Конституции. 2-е изд. М.: РГУП, 2016. 272 с.
7. Гадамер Г.-Г. О круге понимания // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного / Пер. с нем. М., 1991. С. 72—91.
8. Гаджиев Г.А. О судебной доктрине верховенства права // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 4. С. 12—25.
9. Гаджиев Г.А. Официальное толкование конституции: сочетание онтологического и эпистемологического подходов // Известия вузов. Правоведение. 2012. № 1. С. 130—154.
10. Грачева С.А. Доктрина верховенства права и судебные правовые позиции // Журнал российского права. 2014. № 4. С. 33—45.
11. Евдокимов В.Б. О верховенстве части 1 и части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2017. № 3. С. 29—33.
12. Жилкин В.А. Исторический аспект и предпосылки внесения изменений в Конституцию РФ // РЖПИ. 2017. № 3(12). С. 202—207.
13. Зорькин В.Д. Верховенство права и конституционное правосудие // Журнал российского права. 2005. № 12. С. 30—36.
14. Керимов А.Д., Куксин И.Н. Сильное государство и народная воля? // РЖПИ. 2017. № 3(12). С. 9—20.
15. Козлова Н. Александр Бастрыкин предлагает установить приоритет национального права над международным // РГ. 2015. 28 апр.
16. Конституция в XXI веке: сравнительно-правовое исследование: монография / Отв. ред. В. Е. Чиркин. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 656 с.
17. Кравец И.А. Верховенство конституции: подходы и измерения // Вестник Чел. гос. ун-та. Сер. «Право». 2008. № 22. С. 5—9.
18. Кравец И.А. Конституционная телеология и основы конституционного строя: научно-практическое издание. [б.м.]: Издательские решения, 2016. 200 с.
19. Кравец И.А. Конституция и герменевтика: вопросы теории // Известия вузов. Правоведение. СПб., 2003. № 5. С. 38—49.
20. Кравец И.А. Принципы российского конституционализма и конституционализация правового порядка. Москва: РУСАЙНС, 2017. 336 с.
21. Крусс В.И. Диалектика конституционализации и взаимодействия правовых систем в контексте глобализации // Российский юридический журнал. 2014. № 5. С. 26—38.
22. Крусс В.И. Конституционализация права: основы теории. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. 240 с.
23. Крусс В.И. Конституционализация фискально-экономических обязанностей в Российской Федерации. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. 304 с.
24. Крусс В.И. Понятие, актуальность и формы конституционализации права // Вестник ТвГУ. Серия «Право». 2012. № 19. С. 104—119.
25. Крусс В.И. Судебная практика и конституционализация административной ответственности в Российской Федерации // Вестник ТвГУ. Серия «Право». 2014. № 4. С. 229—239.
26. Кряжков В.А. Конституционный Суд РФ как участник процесса исполнения решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека // Государство и право. 2017. № 5. С. 33.
27. Евдокимов В.Б. О верховенстве части 1 и части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2017. № 3. С. 33.

- конституционная аксиология пропорциональности / Материалы XIV Международной научно-практической конференции по конституционному праву, Санкт-Петербург, 20-22 мая 2016 г. / Под общ. Ред. А. А. Ливеровского, В. П. Сальникова. СПб.: Фонд «Университет», Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017. 344 с.
28. Силкенат Д. Р. Верховенство права и его значение // Доктрины правового государства и верховенства права в современном мире: сборник статей / Отв. ред. В. Д. Зорькин, П. Д. Баренбойм. М.: ЛУМ, Юстицинформ, 2013. С. 15—16.
  29. Умнова (Конюхова) И. А., Алешкова И. А. Верность Конституции как концепция конституционного правопонимания Н. В. Витрука // Верность Конституции: сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения Н. В. Витрука. М.: РГУП, 2017. С. 10-13.
  30. Чиркин В. Е. Верховенство права в правовом государстве: терминология и содержание // РЖПИ. 2016. № 4. С. 9—14.
  31. Silkenat, James R. The rule of law and what it means // Доктрины правового государства и верховенства права в современном мире: сборник статей / Отв. ред. В. Д. Зорькин, П. Д. Баренбойм. М.: ЛУМ, Юстицинформ, 2013. С. 17—18.
  32. Чиркин В. Е. Конституционная терминология. Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 272 с.
  33. Чиркин В. Е. Слово о конституционной терминологии // Журнал российского права. 2013. № 12. С. 13—19.
  34. Эбзеев Б. С. Глобализация и современный конституционализм: два вектора развития // РЖПИ. 2015. № 2. С. 7—16.

Loyalty to a Constitution and the Problem of Harmonizing the Ideas of Constitutionalism and the Fulfillment of International Obligations in the Field of Human Rights

Kravets I. A.,

Head of the Department
of Theory and History of State and Law, Constitutional Law
of the Novosibirsk National Research University
E-mail: kravigor@gmail.com

Abstract. *The article discusses the theoretical foundations of the concept of fidelity to the Constitution and judicial constitutionalization of the supremacy of the Constitution, the circle understanding of constitutional hermeneutics, the problem of the relation of constitutional justice and supranational jurisdiction, the role of the new authority of the Constitutional Court of the Russian Federation (consideration of cases on the possibility of enforcing the decisions of the intergovernmental body for the protection of human rights and freedoms) in the system for ensuring the rights and freedoms of man and citizen.*

Keywords: *faithfulness of the constitution, human rights and the rights of the citizen, judicial constitutionalization, constitutional hermeneutics, normative interpretation, execution of interstate body solutions.*

References

1. Avakyan S. A. Konstitutsionnyj leksikon: Gosudarstvenno-pravovoj terminologicheskij slovar. M.: Yustitsinform, 2015. 640 s.
2. Bastrykin A. I. Prioritet natsionalnogo prava nad mezhdunarodnym trebuet peresmotra // Rassledovanie prestuplenij: problemy i puti ikh resheniya. 2015. № 2(8). S. 9-13.
3. Bondar N. S. Konstitutsionnyj Sud v sisteme yurisdiktsionnykh organov (o «bogougodnykh grekhakh» konstitutsionnogo pravosudiya) // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2017. № 1. S. 26-32.
4. Venter F. Verkhovenstvo prava kak globalnaya mera konstitutsionalizma // Doktriny pravovogo gosudarstva i verkhovenstva prava v sovremennom mire: sbornik statej / Otв. red. V. D. Zorkin, P. D. Barenbojm. M.: LUM, Yustitsinform, 2013. S. 76-94.
5. Vitruk N. V. Vernost Konstitutsii. M.: RAP, 2008. 272 s.
6. Vitruk N. V. Vernost Konstitutsii. 2-e izd. M.: RGUP, 2016. 272 s.
7. Gadamer G.-G. O krugе ponimaniya // Gadamer G.-G. Aktualnost prekrasnogo / Per. s nem. M., 1991. S. 72-91.
8. Gadzhiev G. A. O sudebnoj doktrine verkhovenstva prava // Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie. 2013. № 4. S. 12-25.
9. Gadzhiev G. A. Ofitsialnoe tolkovanie konstitutsii: sochetanie ontologicheskogo i epistemologicheskogo podkhodov // Izvestiya vuzov. Pravovedenie. 2012. № 1. S. 130-154.
10. Gracheva S. A. Doktrina verkhovenstva prava i sudebnye pravovye pozitsii // Zhurnal rossijskogo prava. 2014. № 4. S. 33-45.

11. Evdokimov V.B. O verkhovenstve chasti 1 i chasti 4 stati 15 Konstitutsii Rossijskoj Federatsii // Vestnik Akademii Generalnoj prokuratury RF. 2017. № 3. S. 29-33.
12. Zhilkin V.A. Istoricheskij aspekt i predposylki vneseniya izmenenij v Konstitutsiyu RF // RZHPI. 2017. № 3(12). S. 202-207.
13. Zorkin V.D. Verkhovenstvo prava i konstitutsionnoe pravosudie // Zhurnal rossijskogo prava. 2005. № 12. S. 30-36.
14. Kerimov A.D., Kuksin I.N. Silnoe gosudarstvo i narodnaya volya? // RZHPI. 2017. № 3(12). S. 9-20.
15. Kozlova N. Aleksandr Bastykin predlagaet ustanovit prioritets natsionalnogo prava nad mezhdunarodnym // RG. 2015. 28 apr.
16. Konstitutsiya v XXI veke: sravnitelno-pravovoe issledovanie: monografiya / Otv. red. V.E. Chirkin. M.: Norma: INFRA-M, 2011. 656 s.
17. Kravets I.A. Verkhovenstvo konstitutsii: podkhody i izmereniya // Vestnik Chel. gos. un-ta. Ser. «Pravo». 2008. № 22. S. 5-9.
18. Kravets I.A. Konstitutsionnaya teleologiya i osnovy konstitutsionnogo stroya: nauchno-prakticheskoe izdanie. [b.m.]: Izdatelskie resheniya, 2016. 200 s.
19. Kravets I.A. Konstitutsiya i germeneytika: voprosy teorii // Izvestiya vuzov. Pravovedenie. SPb., 2003. № 5. S. 38-49.
20. Kravets I.A. Printsipy rossijskogo konstitutsionalizma i konstitutsionalizatsiya pravovogo poryadka. M.: RUSAJNS, 2017. 336 s.
21. Kruss V.I. Dialektika konstitutsionalizatsii i vzaimodejstviya pravovykh sistem v kontekste globalizatsii // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. 2014. № 5. S. 26-38.
22. Kruss V.I. Konstitutsionalizatsiya prava: osnovy teorii. M.: Norma: INFRA-M, 2016. 240 s.
23. Kruss V.I. Konstitutsionalizatsiya fiskalno-ekonomicheskikh obyazannostej v Rossijskoj Federatsii. M.: Norma: INFRA-M, 2017. 304 s.
24. Kruss V.I. Ponyatie, aktualnost i formy konstitutsionalizatsii prava // Vestnik TvGU. Seriya «Pravo». 2012. № 19. S. 104-119.
25. Kruss V.I. Sudebnaya praktika i konstitutsionalizatsiya administrativnoj otvetstvennosti v Rossijskoj Federatsii // Vestnik TvGU. Seriya «Pravo». 2014. № 4. S. 229-239.
26. Kryzhkov V.A. Konstitutsionnyj Sud RF kak uchastnik protsessa ispolneniya reshenij mezhdunarodnogo organa po zaschite prav i svobod cheloveka // Gosudarstvo i pravo. 2017. № 5. S. 33.
27. Metodologiya sovremennogo konstitutsionalizma: konstitutsionalizatsiya pozitivnogo prava; konstitutsionnaya aksiologiya proporsionalnosti / Materialy XIV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii po konstitutsionnomu pravu, Sankt-Peterburg, 20-22 maya 2016 g. / Pod obsch. red. A.A. Liverovskogo, V.P. Salnikova. SPb.: Fond «Universitet», Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj ekonomicheskij universitet, 2017. 344 s.
28. Silkenat D.R. Verkhovenstvo prava i ego znachenie // Doktriny pravovogo gosudarstva i verkhovenstva prava v sovremennom mire: sbornik statej / Otv. red. V.D. Zorkin, P.D. Barenbojm. M.: LUM, Yustitsinform, 2013. S. 15-16.
29. Umnova (Konyukhova) I.A., Aleshkova I.A. Vernost Konstitutsii kak kontseptsiya konstitutsionnogo pravoponimaniya N. V. Vitruka // Vernost Konstitutsii: sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyaschennoj 80-letiyu so dnya rozhdeniya N.V. Vitruka. M.: RGUP, 2017. S. 10-13.
30. Chirkin V.E. Verkhovenstvo prava v pravovom gosudarstve: terminologiya i sodержanie // RZHPI. 2016. № 4. S. 9-14.
31. Silkenat, James R. The rule of law and what it means // Doktriny pravovogo gosudarstva i verkhovenstva prava v sovremennom mire: sbornik statej / Otv. red. V.D. Zorkin, P.D. Barenbojm. M.: Lum, Yustitsinform, 2013. S. 17-18.
32. Chirkin V.E. Konstitutsionnaya terminologiya. In-t zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitelstve RF. M.: Norma: INFRA-M, 2013. 272 s.
33. Chirkin V.E. Slovo o konstitutsionnoj terminologii // Zhurnal rossijskogo prava. 2013. № 12. S. 13-19.
34. Ebzeev B.S. Globalizatsiya i sovremennyy konstitutsionalizm: dva vektora razvitiya // RZHPI. 2015. № 2. S. 7-16.

